

4-НОВА 1976

ВЛАДИМИРА Петровича я встретил в гримерной. До начала спектакля оставалось несколько минут. Внешне он выглядел очень спокойным и о чем-то вполголоса переговаривался со своим соседом — заслуженным артистом РСФСР В. Н. Казариным, которому тоже предстояло играть в сегодняшнем спектакле «Час пик».

Позже я спрошу его, откуда это поистине олимпийское спокойствие — обычно перед открытием занавеса актеры заметно волнуются. Владимир Петрович ответит, что чувство волнения — это хорошее чувство, оно в чем-то сродни чувству ответственности. Но каждый артист справляется с этим чувством по-разному, по-своему. Тридцатилетний театральный опыт дает, например, ему, актеру Бондаренко, возможность собраться, успокоиться, настроить себя на нужную сценическую волну буквально за несколько коротких минут — перед самым началом спектакля.

Тратить слишком много времени на волнение — неподозвоительная роскошь, — улыбнется мой собеседник. — Дел у нас, актеров, много, а время — оно одно. Сегодняшний день, например, оказался для меня насыщенным. Во-первых, было совещание в областном управлении культуры в связи с недавним постановлением ЦК партии «О работе с творческой молодежью». Мне как председателю Волгоградского отделения ВТО, естественно, надо было принять участие в разработке мероприятий по работе с молодыми самым непосредственным участие.

— Затем была репетиция, — продолжит Владимир Петрович после небольшой паузы. — Мы готовим к сдаче спектакль «В списках не значился» по повести Бориса Васильева. После репетиции состоялось заседание партийного бюро театра, членом которого я избран. Там речь шла об улучшении работы наших технических цехов. Поскольку до сдачи нового спектакля остались считанные дни, то вопрос этот для нас особенно важен. Ну а вот сейчас — спектакль. Так что времени на волнения, как видите, и впрямь не остается.

— Да, нелегкий денек. — Обычный. Завтра, например, он будет не легче.

Снова репетиция, затем заседания коллеги управления культуры о подготовке театральных коллективов к предстоящей неделе «Театр и дети». Вечером, как всегда, — спектакль...

Слушая Владимира Петровича, я подумаю о том, что этот удивительно при-

во, его лесть и даже грубость! Он резко и смело высказывает в лицо своему начальнику Кшиштову Максимиу всю правду, он обличает его, он судит — судит беспощадно и строго, уже не боясь начальственного гнева и немилости. Все это актер передает темперамент-

ю для него нередко с какой-то внешней детали — увиденной или услышанной. — Со своим будущим героем, — рассказывает актер, — я не расстанусь ни на минуту. И невольно все происходящее вокруг как бы примериваю к этому будущему образу. Так могут прийти

вы, например, созданные им образы Олеко Дундича («Олеко Дундич»), генерала Проценко («Дни и ночи» К. Симонова), генерала в пьесе волгоградца В. Богомолова «Я — Сталинград» (за эту роль артист удостоен диплома Министерства культуры РСФСР). Не менее интересны и образы советского разведчика Генриха фон Гольдрина, Сергея Лазо, Николая Баумана. С большим чувством жизненной правды исполнены им и другие чисто «военные» роли в спектаклях «Я любил вас», «Рихард Зорге», «Щит и меч».

Но, пожалуй, самой дорогой и запоминающейся для актера была роль Алексея Мересьева («Повесть о настоящем человеке»). Он вложил в нее частицу своей души, осветил образ необыкновенным человеческим теплом, он сделал его живым, настоящим, жизненно убедительным. Прежде всего эта точность, эта необыкновенная жизненная правда — от его фронтовых впечатлений, от пройденных фронтовых дорог. В годы войны В. П. Бондаренко был летчиком — истребителем, награжден орденом Красной Звезды, медалями...

ПРОНИКНОВЕНИЕ в сущность образа, умение раскрыть его глубины и психологическую правду, донести до зрителя каждую черту ярко и убедительно — все эти особенности характерны для творческой манеры Бондаренко.

Больше ему нравятся характеры «взрывные», как говорят актеры, темпераментные, обладающие огромной внутренней силой. Зрителям наверняка запомнились такие образы в спектаклях «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Гибель поэта», «Конец — делу венец», «Час пик» и другие.

...Сейчас заслуженный артист РСФСР В. П. Бондаренко работает над ролью Адама Свистако в спектакле «В списках не значился». Совсем недавно зрители увидели его в новом спектакле «Командировочный роман», где он играет роль директора. Играет, как всегда, убедительно и точно.

Герои Бондаренко приходят на сцену живыми, полнокровными людьми. Им верить...

Ю. ШВЕЦКОВ:
(Наш корр.)

АКТЕР И ЗРИТЕЛЬ

ВОПЛОЩЕНИЕ ЗАМЫСЛА

«Дорогая редакция! Несколько дней назад мы прочитали в газете Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении актеру Волгоградского драматического театра Владимиру Петровичу Бондаренко звания заслуженного артиста РСФСР. Мы видели его в нескольких спектаклях, и нам понравилась интересная, яркая игра этого артиста.

Просим вас рассказать о его актерской лаборатории и общественной работе.
г. Волгоград.

В. ПЕТРОВ, Л. НОВИКОВА.

ветливый человек обладает завидной работоспособностью.

Но все это будет потом. А пока мы сидим в гримерной и ведем разговор о предстоящем спектакле «Час пик» (трагикомедия А. Музиля по повести Ставлинского). Спектакль этот идет в рамках Дней польской драматургии в СССР. Посмотреть его приехал специально театральный критик из Москвы. В общем, сегодняшний выход довольно ответственный... Но вот гримировка закончена, придиричливо в последний раз осматривает себя в зеркало Бондаренко. Вместе с В. Н. Казариным он уходит ближе к кулисам, а я — в зрительный зал.

Интересно, каким представит в его трактовке Обуховский? По пьесе это человек довольно скользкий, хитроватый, не стесняющийся ради личной выгоды и пользы личной выгоды и пользы начальству, и очернить сослуживцев. Кажется, таким и рисует В. П. Бондаренко своего героя в первом акте. Рисует резкими, точными штрихами. Немногогословен он здесь, но его жесты, его мимика и интонация дают нам сразу же точное представление о характере героя.

Но вот после сцены в ресторане во втором акте Обуховский преображается. Куда девались его угодничес-

но, страстно, убежденно. Что же случилось с Обуховским? Где была та грань, за которой наступило его прозрение, за которой он вновь почувствовал себя Человеком?

После представления мы снова вернулись с Владимиром Петровичем к только что закончившемуся спектаклю, к его роли. Мне интересно было узнать, что к такой трактовке Обуховского актер пришел не сразу, а после долгих поисков.

Именно там, в ресторане, глядя, как занскивают перед Максимовичем сослуживцы, Обуховский (благодаря актеру Бондаренко) посмотрел вдруг на все это со стороны, другими глазами. И представил, что когда-то, а может быть, скоро вот так же будет пробивать дорогу в жизнь его сын — через лесть, унижение и ложь. И Обуховский не выдержал, его отцовские чувства пробудили в нем и чисто человеческие порывы — высокие и справедливые. При таком прочтении образ Обуховского стал по-актерски сложнее, но зато психологически вернее и понятнее современному зрителю.

ГОВОРЯ о работе над ролью, В. П. Бондаренко замечает о том, что ключ к характеру героя, а вернее дальние, но точные подступы к нему начина-

ются для него нередко с какой-то внешней детали — увиденной или услышанной. — Со своим будущим героем, — рассказывает актер, — я не расстанусь ни на минуту. И невольно все происходящее вокруг как бы примериваю к этому будущему образу. Так могут прийти

самые неожиданные, но верные аналогии и ассоциации, помогут увидеть правдивую схему образа, осветить его по-новому... Совсем неожиданно, например, был найден артистом ключ к решению образа Дервиша («В ночь лунного затмения»). Однажды Владимир Петрович осматривал сокровища Третьяковской галереи. Перед одной картиной он стоял довольно долго. На ней были изображены степь, юрта вдалеке и узкая, петляющая змеей тропка, обожженная и высушенная солнцем. Крутая, неуютная тропка, нелегко шагать по ней человеку. И вдруг — как озарение! Тропа... Постой, а не похожа ли она на тропу жизни того самого Дервиша, которого предстояло вскоре играть? Пусть его тоже был извилист и сложен, как эта выжженная тропинка. Да и душа его что твоя кривая стежка. И злоба в ней гнездится, и лесть, и коварство, и тоска по украденным земным радостям, и приобретенная мудрость... Так было положено начало одному из интереснейших и сложнейших образов, созданных В. П. Бондаренко.

Вообще же актеру ближе и роднее образы героев войны. Он находит для их характеристики особенно яркие краски, он согревает их теплом своего сердца. Тако-